

мнѣ стало! Я рѣшилась... (Въ это время въ глубинѣ театра проходить нѣсколько гостей, одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. **Владиміръ Арбенникъ** тихо выходитъ изъ гостиной).

Княжна (увидавъ Арбенника):—Какъ смѣла и рѣшиться?

Владиміръ:—Ахъ, княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

Княжна:—Давно ли вы пріѣхали?

Владиміръ:—Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копеекъ въ мушку. Я посмотрѣлъ; почти ни слова не сказали; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія ни для глазъ, ни для ума; нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотно, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиною русской молодежи; безъ нѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

Княжна:—Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

Владиміръ (пожалъ плечами):—Зачѣмъ!

Княжна (язвительно):—Я догадываюсь...

Владиміръ:—Такъ! заблужденіе, заблужденіе!.. По скажете, можетъ ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствіемъ въ тѣнотѣ? Я не сотворенъ для людей теперешняго (вѣка и нашей страны; у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями; но я этого не могу. Я вездѣ одинокъ, и потому нигдѣ не живу. Неправда ли, вотъ очень ясное доказательство?..

Княжна:—Вы на себя нападаете...

Владиміръ:—Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мною случится скоро горе не отъ ума, но отъ глупости.

Княжна:—Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія?—Я васъ не понимаю. Все проходитъ; и ваши печали, и [я не знаю даже, какъ назвать] ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли ли вы мою кузину, Наташу?

Владиміръ:—Когда я вошелъ, какой-то адъютантъ, потряхивая эполетами, рассказывалъ ей, какъ прошлый разъ въ сраженіи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нее, сдурю обнаружилъ, кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. (Уходитъ въ гостиную).

Княжна (глядитъ ему вслѣдъ):—Желаю вамъ много успѣховъ! Нынче же начну приводить въ исполненіе мой планъ и скоро я увижу конецъ всему... Боже мой! Боже

мой! для чего я такъ слабодушна, такъ не-тверда! (Уходитъ въ гостиную).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

15-го сентября днемъ.

Дѣйствіе II. Явленіе I.

Комната въ домѣ Марьи Дмитріевны (матери Владиміра). Зеленые обои, столы и кресла. У окна **Аннушка**, старая служанка, шьетъ что-то. Слышны шумъ вѣтра и дождя.

Аннушка:—Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе... Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; о, охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать, стало быть не любить совсѣмъ и никогда не любить; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марѣ Дмитріевнѣ все любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! За то молодой баринъ вышелъ у насъ хорошею такой ласковой! Шесть лѣтъ, нѣтъ больше... восемь лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То-то былъ любовный: что ни увидишь, все—зачѣмъ? да что?—а ужъ вспылчивъ-то былъ словно пороховъ! Разъ, вдумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему—бросилъ и успокоился... А бывало, помню [ему еще было три года], бывало, барыня посадитъ его на колѣни къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое—глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!.. Ужъ вѣрно ему Павелъ Григорьевъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, въ прокъ не пошло худое слово. Дай Богъ здоровья Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ.

(Входитъ **Марья Дмитріевна** съ книгой въ рукѣ).

Марья Дмитріевна:—Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслию за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! ужасное бorenіе самолюбія женщины съ необходимостію! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость: предчувствовать напрасно?.. Будучи ребенкомъ, я часто подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы, создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду; я разговаривала съ ними днемъ и ночью; они украшали для